

Арпентьева М. Р.
профессор, старший научный
сотрудник кафедры психологии
развития и образования, руководитель
лаборатории психолого-
педагогического сопровождения семьи
и детства Центра социально-
гуманитарных исследований,
Калужский государственный
университет, Российская Федерация

ПРОБЛЕМА СПРАВЕДЛИВОСТИ И ПРЕЗУМПЦИЯ ВИНОВНОСТИ В ОТНОШЕНИЯХ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

Проблема справедливости – одна из центральных проблем жизни человека и показатель эволюции не только права, но и всего сообщества, всей страны, зеркало социальной политики государства. Представления о справедливости весьма различны у разных людей: одни люди, видя несправедливость распределения духовных и материальных «благ» и богатств, кидаются вершить самосуд, отомстить и расправится с «обидчиком»; другие люди, видя несправедливость, смиренно благодарят мироздание за все, что имеют, учатся благодарить жизнь за ее поддержку и за отсутствие поддержки; третьи люди, даже совершив огромное число преступлений против человека, любви и нравственности, полагают, что «наказание» как минимум незаслуженно. Но, в целом, в понимании людей существует в общем-то правильное, но постоянно подвергающееся пересмотру, представление о том, что мир справедлив и каждый заслуживает то, то получает. Психологически справедливость - это феномен, связанный с такими установками жизни человека, как «принцип бумеранга» и/или отмщения. И двумя основными духовно-нравственными законами жизни: законами воздаяния (ответственности, отмщения, зарабатывания) и законами милости (прощения, благословений, дарения). Первый закон утверждает справедливость в форме требования «оплаты счетов» или «бумеранга». Второй утверждает, что любые, даже самые огромные «счета» могут быть оплачены любовью (смирением, благодарностью, служением и т.д.). В XX веке исследователи - психологи описали веру в справедливый мир как одну из базовых, но весьма далеких от истины иллюзий или облегчающих понимание мира «эвристик» [7; 10; 12].

С юридической точки зрения, несмотря на декларации презумпции невиновности, вся юстиция, вся правоохранительная система, мало в чем изменяющаяся в веках, выстроена по принципу презумпции виновности. Люди, организации, государства, говорят не друг с другом, а друг на друга. При этом диалог и ответственность невозможны, возможны лишь обвинения и произвол. Юристы – практики и теоретики, давно опровергли значимость истины, заменив ее понятием «доказанности». В результате попавший в поле зрения репрессивно-карательных правоохранительных структур человек так или иначе окажется виноват, будет подвергнут несправедливому осуждению и пыткам. В некоторых случаях, он ответит за то что действительно

причастен к правонарушению, в некоторых за то – что не причастен, но «раз попался – сиди»; в некоторых все более распространенных – просто потому, что бюрократический монолит системы исполнения наказаний и правоохранительной деятельности государства в целом нуждается в новых ресурсах, рабочей силе, а также ради переживаний «административного восторга», подтверждении власти – унижать и уничтожать – других людей, вершить их судьбы, строя своё и своей семьи «пусть маленькое, но счастье» сильного [2; 4; 11]. В результате фальсификация уголовных дел, судебных и иных расследований разной степени интенсивности и обширности стала повседневным занятием правоохранительных органов многих стран СНГ. Рост коррупции и насилия в системе правоохранительной деятельности наблюдается во всем мире. Корни такой ситуации, однако, лежат не только в правовом и нравственном нигилизме «постмодерна», деформированных отношениях человека с собой и миром.

Корни уходят глубже – в отсутствие культуры насилия. Поскольку данная культура отсутствует, постольку проблема справедливости, являющаяся ключевой для решения вопросов правоохранения и правозащиты, в том числе, правосознания, в современном цивилизованном мире, практически неразрешима. Одна из причин этого является, как отмечалось, собственно психологической: она связана с иррациональным по своей природе феноменом «веры в справедливый мир», перед которым принцип «презумпции невиновности» – всего лишь незначительный реверанс в сторону рационального представления о том, что такое справедливость и законность. Другая причина – связана с интересами социальных групп и организаций, включенных в ситуации правоохраны и правозащиты: эти группы работают, согласно «железному закону бюрократии», только в целях самосохранения и самоутверждения, решая задачи, связанные с другими людьми и группами лишь в той мере и так, как это представляется выгодным для группы. Третья причина является также психологической или социально-психологической: огромная социальная дистанция общества по отношению к тюремному «народу», включая нежелание каким-либо образом включать в свою жизнь не только заботу о заключенных, но и само их существование, отказ признавать преступными собственное – распространенное в нынешнем веке исключительно потребительское – отношение к жизни, стремление переложить ответственность за них на плечи государства, которое также стоит на страже только собственных интересов. Сочетаясь, эти причины приводят к закономерному результату: то, что не вмещается в идею «веры в справедливый мир» и нарушает интересы правоохранительной и правозащитной бюрократии, – систематически отсекается [6; 7; 10; 12]. Попытки подмены правового пространства пространством арбитражных привилегий в наиболее развитых странах развенчаны уже сейчас отказались: «закон любви», честь («*honestum*», «*honestas*») поставлены выше «права» и частных привилегий. Правовая же система многих стран бывшего СССР отстаёт как минимум на два столетия, реформы закончились в конце XIX века срывом тюремных реформ постфеодальной России: государство так и не смогло позволить себе «выпустить вожжи», а в условиях тотального противостояния и террористических угроз государственные монолиты бывшего СССР, а также многие другие государственные структуры «цивилизованного» мира «выпустить вожжи» не в состоянии: вопрос

подавления и даже уничтожения собственного населения стал вопросом существования управляющих государственных монолитов. Поэтому до сих пор ценностно-смысловые особенности российского общества и государства связаны в большей степени с упорным продвижением карательной парадигмы. В сознании большинства юридически компетентных и некомпетентных россиян преступление воспринимается как повод для мести и наказание — есть кара за совершенное. Сама возможность вступать во взаимодействие с преступником вне системы правосудия и судебного преследования оценивается крайне негативно, а идеи социальной поддержки преступивших закон отвергаются. При этом карательное отношение общества к своим членам, людям и сообществам, является основой сохранения отношений арбитражных привилегий в XXI веке. Альтернатива — редистрибуция и восстановительно-ресоциализирующее правосудие, реализующее принцип предоставления полномочий по разрешению конфликта первичным сторонам дела. Однако, она востребована мало: система арбитражных привилегий выгодна по отмеченным выше причинам и государству, и бизнесу, и обществу.

Вместе с тем, «компенсационное», восстановительное правосудие, опирающееся не только на арбитражные привилегии, но и пытающееся вернуться к законам нравственности, любви и уважения человеческого достоинства, выполняет целый ряд важных функций, позволяя перейти от арбитражных привилегий хотя бы к какой-то системе охраны прав / правосудия: позволяет избежать дальнейшей эскалации конфликта, способствует более быстрому и полному возвращению — реинтеграции — правонарушителя в общество, удовлетворяет потребности потерпевшего от преступления, возвращает былое значение основополагающим общественным — нравственным — ценностям, воспитывая сообщество и бизнес, а также государство и его представителей, прививает членам общества обязательные и общие а не произвольные и «привилегированные» для исполнения нормы, предлагает процедуры правоохранения и судопроизводства в нетрадиционных ситуациях, в том числе в случае нарушения общепринятых правил, при спорных и неясных обстоятельствах дела, при фальсификациях уголовных и иных дел и т.д.. В этом оно полностью противостоит пространству и системе арбитражных привилегий, основным механизмом работы которого является именно фальсификация законов и правонарушений и т.д. Н.°Кристи отмечал, что «...дела — если приняты во внимание все нюансы — никогда не бывают одинаковыми. ... несущественность устанавливается догматически ... в противном случае равенство недостижимо» [2, с.83-84]. Восстановительное правосудие не столько осуждает произвол и власть, «*jus puniendi*» государства, не призывает вернуть право мести, но дает шанс осуществляемому государством привилегированному арбитражу как насилию, стать хотя бы отчасти справедливым правосудием, дает возможность сделать шаг в направлении равновесия и гармонии, обращает внимание на интересы потерпевших и обвиняемых /осужденных. Как показала доктрина «*Nothing works*» — «Ничто не эффективно», в системе артибражного произвола / привилегий наказание не достигает цели и не перевоспитывает: наказание как средство, удовлетворяющее потерпевших, не продуктивно и не эффективно ни для кого. Однако, это не существенно повлияло на изменение отношений государства к нарушителям, в карательный процесс не был

введен принцип реституции, хотя, в США и ряде других стран, были частично ликвидированы как несправедливые неограниченные наказания, обосновываемые процессом ресоциализации или иными целями «благородного гнева». Вместо ресоциализации в уголовной практике была обоснована и внедрена доктрина справедливого возмездия — *just desert*, расплаты: «столько, сколько тебе причитается». Эта доктрина в одних странах со временем привела к облегчению систем наказаний и ее сокращению, а в других, в том числе США, к ужесточению и увеличению пенитенциарных учреждений. В практике же гражданского правосудия движение к новым подходам еще более замедленно. Поэтому переход от ресоциализации к реституции и редистрибуции реализуется далеко не везде: часть сообществ сохранили идеал арбитражных привилегий, который и вернул системы правосудия и юстиции «на круги своя». Ацефаличные, то есть свободные от государственности, клановые сообщества обычно предпочитают мирные способы разрешения споров, они реализуют экономическую и политическую социальную кооперацию, тяготея к эгалитарности, а, в отношении к нарушениям, к компенсации, а не ретрибуции и десоциализации. К сожалению, таких сообществ в мире мало, преобладают тенденции отчуждения и преступивших закон, формирование класса социальных изгоев. Однако, в небольших странах с развитой культурой отношений, заботой о ближнем и нацеленностью государства и общества на возвращение «заблудившихся» на правильный путь, оказание им реабилитационной поддержки, с ориентацией помогающих и государства на собственное нравственное развитие, такая тактика может быть преодолена — через подходы «морального права», «восстановительного правосудия», реституции как компенсирующего, воспитывающего ответственность, а не карательного, воспитывающего жестокость, права. В современных гражданских и уголовных кодексах многих стран мира кровная месть, прямая расплата и ритуальное возмездие постепенно слились в так или иначе понимаемое возмездие, но реституция как способ разрешения конфликтов отделилась и минимизировалась. Вместе с тем, она очень важна, поскольку направлена на возмещение ущерба, упорядочивание взаимоотношений, создание условий, которые не разбивали общество и группы и способствовали их выживанию и дальнейшему развитию [2]. В ситуации же арбитражного произвола, как отмечал Н. Кристи, дело совсем в ином: «Проблема не в том, как это могло случиться. Проблема скорее в том, почему это не случилось чаще, а также когда, где и как это произойдет в следующий раз» [2]. От первых этапов «выяснения обстоятельств дела» до последних этапов, субъекты юстиции активно игнорируют все факты и пункты законов, которые могли бы привести к восстановлению прав организации или человека, не имеющего «по закону» те или иных арбитражных привилегий. Поэтому, как подметил К. Дэрроу: «Такого понятия как справедливость нет - как в суде, так и вне него» [Цит. по: 12]. Поэтому и сейчас борьба за право как производное нравственности, как «моральное право», - это, обычно, борьба одиночек, государство за право не борется, используя закон лишь там, где его использовать выгодно. На переломе эпох отрицательное отношение к обычаю приводит к возвышению роли законодателя как сознательного творца права как «разумной политики власти» и отчуждению правомочного от возможности защитить свои права: «разумный» законодатель снимает с себя обязательства, переводя их в «услуги», торгуя законом [9].

В этих условиях как никогда актуальна обязанность человека защищаться связана и с тем, что каждый отвечает перед обществом: «Каждый призван и обязан подавлять гидру произвола и беззакония, где только она не осмеливается поднимать свою голову; каждый, пользующийся благодеяниями права, должен в свой черед также поддерживать по мере сил могущество и авторитет закона ...». Борьба за право есть обязанность «правомочного» перед самим собой: «Защита собственного существования есть высший закон всего одушевленного мира», имеющий не только физический, но и нравственный смысл. Примирение сторон в качестве средства разрешения правовых конфликтов, как и более – менее удовлетворяющая все стороны компенсация нанесенного преступление вреда, возможны лишь при условии, что не будет ущемления и прав, и обязанностей личности [8; 9]. Однако, государству как структуре, занятой собственными интересами, до личности, дела нет. Тем более, когда речь идет о ее обязанностях, ее активности по отношению к своей жизни и жизни общества и государства. Напротив, данная активность воспринимается как угроза благополучию государственных структур. И потому борьба за право, как и борьба за нравственность будет длиться и несомненно выльется в еще не одно восстание: пока общество и государство не станут партнерами, пока право и нравственность не станут опираться друг на друга. пока «лечить» преступников будут новыми преступлениями и узаконенными пытками «условий содержания».

В целом, правовое пространство современности — пространство арбитражных привилегий (*arbitration privileges space*), включающее нормы, в основе которых отсутствуют нравственные принципы, присутствует произвол сильного, а нравственное пространство включает нормы «естественного права», общечеловеческие, а также и культурно-специфические, «гибридные» с нормами права. В рамках позитивистской концепции, называемое правовым пространством, пространство арбитражных привилегий выступает как свод имеющих силу закона («*ut lex valere*») установок относительно преимуществ и привилегий насилия и обмана одних групп по отношению к другим («*corpus privilegium*»). Морально-нравственное пространство как свод нравственных установок, регулирующих жизнь человека, при этом подвергается деформации и игнорируется как группами, устанавливающими арбитражные привилегии, так и группами, их лишенными: ответственность, редистрибуция и реституция замещается наказанием (ретрибуцией) и эксплуатацией. В результате вместо декларируемой ресоциализации, преступившие юридические нормы и те, кто эти нормы вводит и реализует, все более десоциализируются: содержанием десоциализации выступает десакрализация, потеря нравственных опор жизни. Развитие стран — республик бывшего СССР, их правоохранительной системы, совершенствование уголовной политики, связано с дальнейшим насыщением правовой системы нравственным содержанием, приоритетом нравственных норм в правовой деятельности. Справедливость при этом имеет два основных измерения: правовое и нравственное. В рамках правового измерения справедливость - функция относительного соответствия законам, установленным государством, защищающим интересы правящего класса и/или свои собственные интересы. Справедливость этого типа предполагает лишение человека его прав и обязанностей, десоциализацию, изъятие из

общества с целью лишения достоинства и чести. В рамках нравственного измерения справедливость – функция соответствия нравственным законам, принятым человечеством для защиты чести и достоинства человеческой жизни, обращенные к защите прав и обязанностей человека перед собой и обществом. «Естественное право», а также право, стремящееся морали и нравственности, реализуют второй тип справедливости. Остальные подходы так или иначе продолжают продвигать доктрины первого типа: арбитражный произвол и лишение человека его прав и обязанностей, сведение к привычной и удобной для государства позиции раба.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Кант И. Критика чистого разума. - М.: Мысль, 1994. - 591 с.
2. Кристи Н. Приемлемое количество преступлений. — Варшава: Польское объединение правового образования, 2004. - 182 с. - С. 83-84.
3. Монтескье Ш. Избранные произведения. - М.: Госполитиздат, 1955.- 803 с.
4. Мухина В.С. Пожизненно заключенные // Развитие личности. 2002 – 2009. 187 с.
5. Нерсесянц В.С. Философия права. М.: Изд-во НОРМА, 2003. - 652 с.
6. Fuko M. L' oeil du pouvoir // Bentham J. Le Panoptique. Paris: Belfond, 1977. P. 9-31.
7. Furnham A. Just world beliefs // European Journal of Social Psychology. 1985. V. 15. P.363-366.
8. Ihering von R.R. Der Kampf ums Recht, Wien: Vortrag, 1872.
9. Ihering von R.R. Yeiat des tomischen Rechts. Berlin, 1881. Bd. 11. S. 310.
10. Lerner M. J. The belief in a just world. N.-Y.: Plenum, 1980. 340p.
11. Milgram S. Obedience to authority. N.Y.: Harper & Row, 1974. P. 56-58.
12. Philipchalk R.P. Invitation to social psychology. N.Y.: Harcourt Brace College, 1995. 566 p.